

УДК 301:008

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-21-28

В.А. Горенкин, Л.С. Гаспарян, А.В. Швецова

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье рассмотрены социокультурные практики как повседневные действия, нормы и обычаи, которые, будучи частью культурной жизни общества, выступают ретранслятором базовых ценностей, формирующих архитектуру современных социокультурных отношений. Показано, что культурные практики не являются статичными образованиями. Они изменяются, эволюционируют и приобретают все новые и новые формы в соответствии с изменяющимися потребностями и условиями. Так, глобализация ведет к унификации и в какой-то степени к деконструкции ранее сформировавшейся ценностной системы, что актуализирует вопрос изучения современной специфики социокультурных практик.

Ключевые слова: практика, социокультурная практика, социальное действие, интерес, культура.

Актуальность темы исследования. В последнее время понятие «социокультурные практики» все активнее врывается в повседневный обиход, обозначая действия индивида по преобразованию окружающего мира. В научной среде под социокультурными практиками принято понимать образ действий, общественные нормы, ценности, обычаи, которые присущи определенной социокультурной группе или общности. Такие практики включают в себя широкий арсенал разнообразных средств, начиная от языка, традиций, религиозных обрядов и заканчивая образом жизни и характером поведения индивида.

Социокультурные практики обеспечивают привычный социальный порядок и воспроизводят саму действительность. Они являются определенным ориентиром во времени и пространстве и позволяют сохранять ценностные установки в созданной системе координат. В определенной степени социокультурные практики можно рассматривать в качестве основы социального конструирования, посредством которого устанавливаются образцы и правила поведения.

В пространстве современной культуры вопрос принадлежности к определенной социокультурной практике становится все более актуальным ввиду появления дополнительных контекстов, обусловленных развитием цифровой среды, что ведет к изменению формы и способов взаимодействия между индивидами, а также к очерчиванию новых векторов осмысления действительности. Особое значение в данном процессе начинают приобретать визуальные образы, исследование которых активно ведется с 80–90-х гг. XX века. Это работы У. Митчелла, Н. Мирзоева, Р. Рорт, К. Мокси, Г. Бёме, Д. Колесниковой, И. Инишева, О. Беззубовой, М. Крышталева, Ю. Белоусовой и др.

Н. Колодий и В. Колодий описывают «визуальный поворот» как продукт культурного и технологического освоения реальности. В этой связи новые способы взаимодействия начинают рассматриваться как продукт социально-культурного контекста, а сама контекстуальность начинает играть ключевую роль в современном измерении. Таким образом, визуальная парадигма оказывает существенное влияние на социокультурные практики, определяя их формат и способы передачи информации. Так, визуальность способствует ускорению и упрощению процесса передачи информации и, в некоторой степени, размыванию границ, ранее установленных культурой. Модификация классической линейной схемы коммуникации ведет к сложным взаимозависимостям и конструированию многогранных моделей сюжетных схем, в которых, как пишет А. Ассман, «увиденное облекается в слова, пережитое

перерабатывается в рассказ, прочувствованное становится памятником, историческое событие экранизируется. Целая эпоха отображается музейной экспозицией» [1, с. 218]. Все эти сюжеты становятся архитектурной матрицей нашей повседневности, которая создает смысловые конструкторы.

Э. Гидденс считал, что практики играют ключевую роль в формировании и поддержании социальной структуры и общественного порядка. Он утверждал, что практики не только отражают социальные нормы и ценности, но и активно их создают и поддерживают [2]. Как пишет П. Бурдьё, социальные практики «имеют двойственную структуру: с одной стороны, они детерминируются социальной средой, а с другой – воздействуют на эту среду, изменяя ее структуру» [3, С. 181]. Так, если музейная экспозиция не находит своего потребителя, библиотека перестает быть местом объединения читателей, а туристические объекты не пользуются былой популярностью, то социокультурные практики воссоздают все новые сюжеты. Последние могут транслироваться, например, через механизм оцифровывания объектов культурного наследия, мультимедийный продукт и аудиокниги для тех, кто был активным пользователем классической библиотеки еще вчера, а также через придание зрелищности и, по сути, «второй жизни» хорошо известным туристическим маршрутам.

Итак, социокультурные практики не являются статичными образованиями. Они изменяются, эволюционируют и приобретают все новые и новые формы в соответствии с изменяющимися потребностями и условиями. Например, к новым проявлениям современных социокультурных практик относят креативные индустрии, которые генерирует сегодня около 3% мирового ВВП и обеспечивает работой 1% экономически активного населения планеты [4]. Эти индустрии выражены в новых формах социокультурных практик, таких как стрит-арт, флешмоб, перфоманс, исторические реконструкции пространства, интерактивные искусственные инсталляции, кросс-культурные коллаборации и многое другое. Эти изменения связаны не только с развитием творческого потенциала, они существенным образом воздействуют на всю социальную структуру, изменяя способы воспроизводства товаров и услуг, систему занятости и т.д. Такие преобразования требуют определенной адаптации и концептуализации для понимания современных культурных тенденций.

Процесс эволюции социокультурных практик продолжается по аналогии с тем, как современную культуру невозможно представить без фотографии, кино, сегодня – без искусственного интеллекта, что существенным образом меняет наше восприятие и задает направленность действиям. Процессы цифровой трансформации направлены на имитацию возможностей человеческой деятельности, что в некотором смысле способствует упрощению социокультурных практик и их постоянной корректировке.

Таким образом, посредством социокультурных практик осуществляется процесс конструирования смыслов, формирующий представление о заданных образцах или правилах поведения, благодаря которым становится понятным, что и как нужно делать, а чего делать нельзя. По мнению А. Казина, главным пороком современного общества является утрата способности различать высокое и низкое, доброе и злое [5]. Именно культурные практики являются основанием для проявления ценностного мира человека, очерчивания неочевидных смыслов; в частности, П. Бурдьё называет практики «целенаправленными действиями индивидов по преобразованию социального мира и повседневными, привычными поступками» [3, С. 181], которые, с одной стороны, задают направленность действий, а с другой – трудно распознаваемы и верифицируемы. В связи с возникающей методологической сложностью важным представляется более детальное изучение и осмысление социокультурных практик и их онтологического основания.

Объект данного исследования – практики как социальный феномен, *предмет* – особенности проявления социокультурных практик в современном мире.

Цель исследования – осмыслить онтологию социокультурных практик и выявить особенности их проявления в контексте современной действительности.

Теоретико-методологическими основами исследования является социальное конструирование, с помощью которого определяются способы участия индивидов в создании и

воспроизводстве социокультурной реальности, а также сравнительный, исторический и системный подходы к анализу социокультурных практик.

Как самостоятельный феномен социальные практики изучают со второй половины XX века, но интерес к ним отражен в давней научной традиции, представленной как в зарубежной, так и в отечественной науке. Теорию социальных практик развивали П. Бергер, П. Бурдьё, М. Вебер, Э. Гиденс, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шуц и др. Концептуализации понятия социальных практик посвящены теории, разработанные в рамках структуралистского конструктивизма, культурной антропологии, интеракционизма и др.

Для того, чтобы внести определенную ясность и разобраться с подходами к пониманию социокультурных практик, мы решили обратиться к общенаучному определению ключевого понятия «практика». Так, согласно толковому словарю понятий В.И. Левина «Философия, логика и методология науки», «практика (от греч. *praktikos* – деятельный, активный) – материальная, целеполагающая деятельность человека, имеющая своим содержанием освоение и преобразование объективной действительности» [6].

В.Н. Савченко и В.П. Смагин определяют практику как «действие, деятельность, деятельную жизнь, опыт» [7]. Энциклопедия эпистемологии и философии науки дает следующее определение практики: «Практика – это сознательная, целеполагающая, целесообразная человеческая деятельность, как индивидуальная, так и общественная, отличающаяся от мышления, теоретической деятельности своей заранее намеченной направленностью на создание вещей, изменение природной среды обитания людей, решение социальных и политических задач, совершение разного рода поступков, действий» [8].

Согласно приведенным определениям, первичным элементом практики является действие, в котором проявляется человек. Такое понимание практик переводит нас в плоскость изучения социального действия. Основоположником теории социального действия считается М. Вебер, который описывал действие как «всегда умышленный комплекс поступков». Основная идея теории социального действия заключается в том, что социальное поведение людей должно быть понимаемо и объяснимо через их собственные намерения, мотивы и цели. М. Вебер полагал, что наука должна изучать не только объективные структуры и законы общества, но и субъективные смыслы, которые люди придают своим действиям. Данная концепция соотносит социальное действие с действием других людей (групп) и ориентируется на него [9. С. 602–603].

Изучение социального действия представлено в работах Т. Парсонса. Исследователь утверждал, что социальное действие определяется социальными нормами, ценностями и ожиданиями, которые регулируют поведение людей. Т. Парсонс рассматривал действие «как единицу с точки зрения определенной системы координат» и определял факторы, конституирующие социальные действия. В структуре социального действия Т. Парсонс выделяет субъект, объект действия, средства (методы) достижения цели, результат (реакция тех, на кого было направлено действие) [10; 11]. Категория «действие» рассматривается Т. Парсонсом с точки зрения трех систем: «системы социальной, системы личности и культурной системы» [11. С. 461].

Отношение к действию как основе социальных процессов мы находим и в работах П. Бергера и Т. Лукмана. Ученые совместно разработали концепцию «социального конструирования реальности». Согласно их теории, реальность не является объективным фактом, а скорее результатом социальных процессов и взаимодействий. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, социальное конструирование реальности происходит через три основных процесса: внешнюю социализацию, внутреннюю социализацию и межличностное взаимодействие. Таким образом, исследователи подчеркивают, что социальная реальность не является объективной и независимой от людей, а формируется и интерпретируется субъектами в процессе социального взаимодействия. Социологи также обращают внимание на то, что социальные конструкции реальности могут быть подвержены изменениям и пересмотру в результате социальных и исторических изменений [12]. Так, например, носителем перемен становится

культурная революция, которая не навязывает новизну силой, а самокритично переосмысливает собственную историю, ее культурные основы.

Таким образом, мы фиксируем, что понятие «социальное действие» определяет специфику общественной жизни, а именно – преобразование объективной действительности и создание более комфортных условий для существования. В таком ракурсе социальные практики предстают как механизм изменения пространства социальной нормативности. Носителем деятельности всегда выступает ее субъект. Наличие субъекта – важнейшее свойство практик, которое «делает» их типичными. Субъект предполагает определенное взаимодействие, основанное на понимании других людей и на взаимной согласованности коллективных действий.

Описание субъектности основывается на трех базовых признаках:

- взаимосвязанности членов группы как важнейшей предпосылки любой активности;
- совместной активности, то есть способности быть единым целым;
- саморефлексивности, в результате которой формируются ощущение «мы», то есть принадлежность к группе [13. С. 146].

Мотивом любой деятельности является стремление реализовать свой интерес, который можно рассматривать как условие активности индивидов, входящих в группу. Данный тезис подтверждает М.В. Демин, отмечая, что интерес выступает специфическим отношением людей к окружающей действительности, выражающим стремление субъекта к овладению соответствующим объектом и достижению поставленной цели [14. С. 87].

Следует отметить, что категория «интерес», согласно философской традиции, чаще всего рассматривается как категория, в основе которой заложена материальная выгода. Так, согласно теории непредвиденных последствий групповых интересов, сформулированной М. Олсоном, «индивиды эгоистичны и стремятся только к реализации собственных материальных интересов и повышению благосостояния, поэтому рационально действующие индивиды обычно стремятся паразитировать на группах вместо того, чтобы вступать в них» [15. С. 162].

С М. Олсоном солидарен основатель теории обмена Р. Солсбери: «Большая часть групповой активности не имеет ничего общего со стремлением изменить в лучшую сторону, а направлена на внутренний обмен благами, для достижения которых организуется и существует группа» [16. С. 20]. В итоге активность групп интересов, рациональная с точки зрения индивидуальных их участников, может приводить к коллективно иррациональной. Поэтому индивиды, вступающие в группы для удовлетворения каких-то узких личных потребностей, одновременно ограничивают потребности других. Следовательно, в рамках анализа поведения субъектов, руководствующихся собственными интересами, целесообразно включать и социальную диспозицию этих субъектов.

В частности, П. Бурдье вводит понятие «символической власти». При этом он представляет власть как некое специфическое поле в общем многомерном пространстве структурированных позиций. По П. Бурдье, структура данного поля представляет собой «контрасты и противостояния таковых основных позиций, которые занимают основные акторы; эти акторы борются за перераспределение капитала, который важен для этого поля, и за то, чтобы занять таким образом доминантные позиции» [17. С. 72]. То есть власть заключается в обладании «капиталом», который социолог определяет как «ресурс, основанный на отношениях в группе членства» [18. С. 241]. И хотя капитал, с позиции П. Бурдье, это ресурс конкретного индивида, который проявляется через структуру межличностных взаимоотношений, такой капитал всегда может быть конвертирован в другие виды капитала: экономический, культурный, символический и социальный. Расширение капитала направлено на формирование стабильных социальных структур, которые смогут осуществлять власть над теми, кто не сумел накопить капитал, либо приобрел его в недостаточном количестве. Таким образом, капитал рассматривается с точки зрения продуктивности при достижении некоторых социальных целей, недоступных при его отсутствии.

Базовое же для нас понятие практики П. Бурдьё толкует как «все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальной сфере. Практика возникает при условиях формирования устойчивого поведения» [18]. Механизмом формирования такого устойчивого поведения являются институты, которые упорядочивают и регулируют взаимоотношения между людьми и их поведение. Поэтому для каждой практики (деятельности) очень важна институциональная среда. По Д. Нортю, институт – это «правила игры» или ограничительные рамки, а институционализация – процесс, посредством которого существующие практики приобретают устойчивость и упорядоченность [19]. То есть институты играют роль организаторов и регуляторов социальных практик, они служат механизмом канонизации и придают практикам значимость. Новая диалектика отношений, которые строятся на неразделимости и, в некоторых случаях, на неприятии определенных практик, ведет к институциональному кризису и изменению всего институционального каркаса. То есть современные практики складываются преимущественно таким образом, что баланс между институционализированными и персонализированными формами коллективного действия все больше смещается в сторону последних. Данный факт создает ситуацию неопределенности, где отсутствуют «правила игры» и исчезают гарантии стабильного существования. В этой связи по-новому начинает рассматриваться роль институтов, которые традиционно выступали главным инструментом ретрансляции человеческого опыта.

Институциональная упорядоченность крайне важна для поддержания целостности и недопущения хаотизации, особенно в ситуации, когда универсальные нормы и правила теряют свою значимость. Именно такую ситуацию, по мнению российского политолога Д.Г. Евстафьева, мы наблюдаем в последние два десятилетия. Ученый полагает, что мы становимся свидетелями нового феномена, который «позволяет выходить за рамки социального поведения, традиционного для того или иного пространства, постоянно формирует некую новую “норму” вне связи с прежними критериями, будь то нравственные или религиозные» [20. С. 140]. В рамках данного феномена, по мнению Д.Г. Евстафьева, наблюдается признание социальной атомизации благом. То, что мы наблюдаем сегодня, – это «естественное порождение новых социальных, культурных и нравственных стандартов практик, которые немедленно внедряются в социальную коммуникацию при поддержке всей мощи медиа» [20. С. 141].

Все события современного мира находят репрезентацию в медиа, которые зачастую становятся главным мерилем значимости создающейся практики. Для Э. Гидденса все практики упорядочены в пространстве и привязаны к фону, к контексту. Именно медийная представленность становится показателем того, насколько практики приживутся, то есть обростут идеями, которые в них заложены, будут потребляемы. Почему эти практики становятся востребованными? Потому что они ретранслируются в медиа и становятся элементом массового потребления. Именно в акте потребления происходит то, что М. де Серто называет «тактическим нападением на систему», – выстраивание индивидом своего мира, в котором потребляющий субъект противостоит всему обществу [21. С. 87].

Выводы. Наше восприятие конструируется моделями медийных схем, где происходит переформатирование существующих практик. Часто эти модели являют собой пример деконструкции реальности и изменения естественных практик. Они направлены на упрощение, потому как становятся продуктом потребления. А что важно в процессе потребления? Впечатления, которые приносят удовлетворение и радость. Мы хотим потреблять вкусную еду, общаться с интересными людьми, посещать значимые мероприятия. В основе этих процессов лежит требование об удовлетворении потребностей в максимально короткие сроки. Поэтому упрощение стало объективной реальностью, где практики, создаваемые на протяжении длительного времени, обесценились. Д.Г. Евстафьев замечает: «Потребителю, по большому счету, все равно, что выбрасывать – вышедшие из моды джинсы или религиозную традицию, ставшую слишком обременительной» [20. С. 143]. Желание все упростить и свести к элементарным формулам открывает ящик Пандоры, где появляется опасность

разрыва преемственности, нивелирования существующих правил и норм. Как бороться с этими тенденциями? Как им противостоять? Ответ может заключаться в актуализации традиционных основ культуры. Культура как раз и представляется сегодня в виде практик [22. С. 551]. Эти практики могут приобретать различные формы выражения, такие как литература, искусство, музыка, танцы, кино, театр и др. Они фиксируют особенности, проявляющиеся в пространственном и темпоральном измерениях, а также являются основой при выработке тех или иных моделей поведения. Отстраивающиеся практики меняют наше восприятие либо в сторону следования тренда потребления, либо в направлении воспроизводства социально значимого поведения.

Литература

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 232 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
3. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
4. Re-shaping policies for creativity: Addressing culture as a global public good. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380474> (дата обращения: 17.03.2024).
5. Актуальные проблемы современного искусства и искусствознания: сборник научных статей / ред. А.Л. Казин. СПб.: СПбГУКиТ, 2012. Вып. 2. 195 с.
6. Левин В.И. Философия, логика и методология науки: Толковый словарь понятий. URL: <https://e.lanbook.com/book/62711> (дата обращения: 17.03.2024).
7. Савченко В.Н., Смагин В.П. Начала современного естествознания: тезаурус. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 336 с.
8. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
9. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
11. Парсонс Т.О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
13. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 133–150.
14. Демин М.В. Проблемы теории личности. М.: Изд-во Московского университета, 1977. 240 с.
15. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 165 с.
16. Salisbery R. An Exchange Theory of Interest Groups // *Midwest Journal of Political Science*. 1969. № 13. P. 1–32.
17. Bourdieu P. Some properties of fields // *Sociology in Question*. London: Sage, 1993. 184 p.
18. Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N.Y.: Greenwood, 1985. P. 241–258.
19. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
20. Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. Разрыв времени, реванш пространства // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 5 (111). С. 138–153.
21. Дроздова А.В., Мясникова Л.А. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневности в современном культурологическом знании // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 86–95.

22. Федотова Н.Г. Культурные практики в контексте формирования символического капитала места // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 5. С. 550–557.

Socio-Cultural Practices in Context Modern Reality

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 2 (93), 21–28.

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-21-28

Valery A. Gorenkin, Crimean University of Culture, Art and Tourism (Simferopol, Russian Federation). E-mail: mk.kukiit@mail.ru

Lyudmila S. Gasparyan, Crimean University of Culture, Art and Tourism (Simferopol, Russian Federation). E-mail: e-mail: llukashevich@mail.ru.

Antonina V. Shvetsova, Crimean University of Culture, Art and Tourism (Simferopol, Russian Federation). E-mail: voljaton@rambler.ru.

Key words: practice, sociocultural practice, social action, interest, culture.

The article examines sociocultural practices as everyday actions, norms and customs that are part of the cultural life of society. They influence the formation of our worldview, our views and perception of the world around us. In the ontological context, cultural practices are interpreted as a unique unity of multiplicities, manifested through various types of human activity, the cementing factor of which is various semantic phenomena. The presence of a semantic core makes practices significant, capable of forming certain cultural constants. They are the relay of the basic values that form the architecture of modern sociocultural relations. But cultural practices are not static entities. They change, evolve and acquire more and more new forms in accordance with changing needs and conditions. Thus, globalization leads to unification and, to some extent, to the deconstruction of a previously formed value system. The new dialectic of relations, which are built on inseparability and, in some cases, on rejection of certain practices, leads to an institutional crisis and a change in the entire institutional framework. That is, modern practices are developing predominantly in such a way that the balance between institutionalized and personalized forms of collective action is increasingly shifting towards the latter. In this regard, the role of institutions, which have traditionally been the main instrument for relaying human experience, begins to be considered in a new way. A certain unpredictability of the activities of institutions and, as a consequence, the formation of ever new, completely unpredictable practices, actualizes the issue of studying their modern specifics and further vector of development.

References

1. Assman, A. (2023) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Discontent with Memorial Culture]. Translated from German by B. Khlebnikova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Giddens, E. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
3. Burd'e, P. (1994) *Nachala* [Beginnings]. Moscow: Socio-Logos.
4. UNESCO. (2022). *Perspektivy kreativnoy ekonomiki v 2022 godu* [Reshaping policies for creativity: Addressing culture as a global public good]. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380474> (Accessed: 17.03.2024).
5. Kazin, A.L. (ed.) (2012) *Aktual'nye problemy sovremennogo iskusstva i iskusstvoznaniya* [Current Issues in Modern Art and Art Studies.]. Vol. 2. St. Petersburg: SPbGUKiT.
6. Levin, V.I. (2011) *Filosofiya, logika i metodologiya nauki: Tolkovyy slovar' ponyatiy* [Philosophy, logic and methodology of science: Explanatory dictionary of concepts]. [Online] Available from: <https://e.lanbook.com/book/62711> (Accessed: 17.03.2024).
7. Savchenko, V.N. & Smagin, V.P. (2006) *Nachala sovremennogo estestvoznaniya: teaurus* [Fundamentals of Modern Natural Science: Thesaurus]. Rostov-on-Don: Feniks.

8. Kasavin, I.T. (ed.) (2009) *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+.
9. Veber, M. (1990) *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic Sociological Concepts]. Moscow: Progress.
10. Parsons, T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of Modern Societies]. Translated from English by L. Sedova. Moscow: Aspect-press.
11. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
12. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated from German by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
13. Zhuravlev, A.L. (2000) Psikhologicheskie osobennosti kollektivnogo sub"ekta [Psychological Features of the Collective Subject]. In: Brushlinsky, A.V. & Volovikova, M.I. & Druzhinina, V.N. (eds.) *Problema sub"ekta v psikhologicheskoy nauke* [Subject Problem in Psychological Science]. Moscow: Akademicheskii Proekt. pp. 133–150.
14. Demin, M.V. (1977) *Problemy teorii lichnosti* [Problems of Personality Theory]. Moscow: Moscow University Publishing House.
15. Olson, M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and Group Theory]. Moscow: FEI.
16. Salisbery, R. (1969) An Exchange Theory of Interest Groups. *Midwest Journal of Political Science*. 13. pp. 1–32.
17. Bourdeiu, P. (1993) Some properties of fields. In: *Sociology in Question*. London: Sage.
18. Bourdieu P. (1985) The forms of capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1985. pp. 241–258.
19. Nort, D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and Economic Functioning]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala”.
20. Evstafiev, D.G. & Tsyganova L.A. (2021) Razryv vremeni, revansh prostranstva [Time Gap, Space Revenge]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Politics*. 19 (5). pp. 138–153.
21. Drozdova, A.V. & Myasnikova, L.A. (2015) Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu povsednevnosti v sovremennom kul'turologicheskom znaniy [Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Everyday Life in Modern Cultural Knowledge]. *Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Issues of Education, Science and Culture*. 3(141). pp. 86–95.
22. Fedotova, N.G. (2017) Kul'turnye praktiki v kontekste formirovaniya simvolicheskogo kapitala mesta [Cultural Practices in the Context of Symbolic Capital Formation of Place]. *Observatoriya kul'tury – Culture Observatory*. 14(5). pp. 550–557.

УДК 316.322:159.923

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-28-39

А.Ф. Поломошнов, А.В. Лыкова, Т.В. Лугуценко

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье предпринят анализ концептуальных подходов к проблеме социокультурной идентичности российской цивилизации в современном отечественном научном дискурсе. По способу решения этой проблемы установлено пять основных подходов: